

ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАШИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Ю. Чикунова

В процессе активного изучения раннего железного века Зауралья и Западной Сибири актуализировалась «кашинско-прыговская» тематика. Обобщение материалов памятников с керамикой кашинского и прыговского типов позволило Н. П. Матвеевой на основе выявления устойчивой в течение почти тысячелетия своеобразной орнаментальной традиции выделить кашинскую культуру [1990. С. 187; 1994. С. 140].

Существует множество определений археологической культуры, смысл которых в конечном итоге сводится к неизбежной первоначальной необходимости изучения материальных остатков деятельности древних обществ и соотнесения их затем с культурологическими концепциями [Викторова, 1991, С. 16]. Наиболее значимые признаки для выделения археологической культуры рассматриваются во многих работах, среди которых полнотой анализа вопроса отличаются статьи И. С. Каменецкого [1970] и Л. С. Клейна [1970]. Ведущими культуропоказательными признаками, считаются единство территориальных и хронологических границ совокупности археологических памятников и объективное сходство материальных и нематериальных признаков [Каменецкий, 1970. С. 29]. Из материальных признаков основными культуропределяющими называют, как правило, погребальный обряд и керамику [Клейн, 1970. С. 43]. В данной работе мы попытаемся оценить некоторые достижения и обозначить наиболее насущные проблемы в изучении кашинской культуры.

Со времени выделения В. Д. Викторовой в 1969 г. групп памятников с керамикой кашинского и прыговского типов в низовьях рек Туры и Ницы [Викторова, 1969] был существенно расширен круг источников, что дало возможность уточнить территориальные и хронологические границы кашинской культуры.

Основным ядром ареала кашинской культуры принято считать лесное Зауралье, среднее течение рек Туры и Исети. По данным разведок и раскопок территория распространения памятников с керамикой кашинского типа до сих пор ограничивалась на западе восточными предгорьями Урала (поселения Павлиново, Юдинское, Кашинское, Прыговское на реках Ница и Исеть) [Викторова, Кернер, 1988; Генинг, Позднякова, 1964; Корякова, Дэйр, 2003]. Однако на поселении Половинное Озеро 1, расположенном западнее Екатеринбурга, обнаружена керамика со шнуровым узором и орнаментальной композицией, обнаруживающая явную близость керамике «прыговского» типа [Чаиркина и др., 1999. Рис. 7, 6]. Другими словами, возможно расширение ареала кашинской культуры на запад. Не исключено, что западная граница в недалеком будущем может быть проведена по Среднему Уралу. На востоке граница проходит в Прииртышье (Богочановское городище) [Матвеева, 2000]; на севере проходит в лесной зоне по р. Тавды (пос. Пелым, Тыня-1, Городокское селище, Карагаевское городище) [Викторова, 1969], подтверждением чему являются обнаруженные автором в 2004 г. на правом берегу этой реки новые городища, в культурном слое которых встречены фрагменты керамики с кашинским орнаментом [Чикунова, 2005]. Южная граница ареала проведена по поселениям у ст. Курганской и Белый Яр XII в верховьях Тобола. Всего выявлено около 50 памятников с керамикой кашинской культуры (рис. 1).

Хронологические рамки кашинских древностей определены в общих чертах — это IV–III вв. до н. э. — IV–VI вв. н. э. по материалам многих памятников, в культурном слое которых содержится кашинская (прыговская) керамика: Гаевский 1 и Абатский 3 могильники, Прыговское, Павлиновское, Рафайловское, Коловское, Юдинское, Кашинское, Янычково городища и др. [Викторова, Кернер, 1988; Генинг, Позднякова, 1964; Корякова, Дэйр, 2003; Матвеева, 1994; Матвеева и др., 2004; Морозов, Панина, 1997] (рис. 2). Формирование кашинской культуры как и большинства культур раннего железного века Зауралья, происходило в обстановке активных межэтнических контактов лесостепных сообществ, обладавших повышенной способностью к адаптации в нестабильных ландшафтно-климатических условиях.

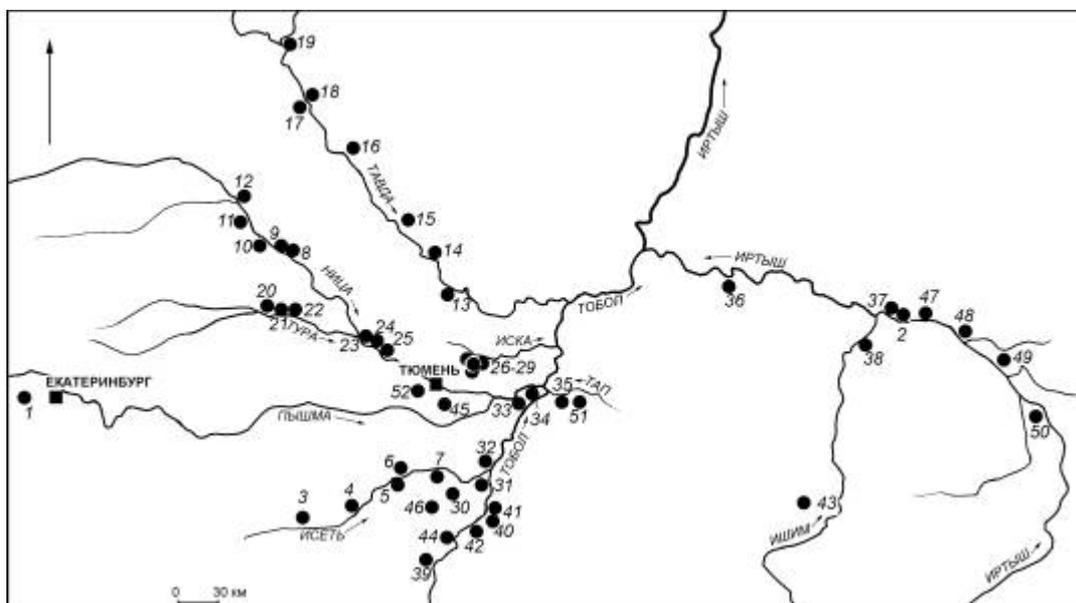

Рис. 1. Расположение памятников кашинской культуры:

1 — Половинное Озеро; 2 — городище Красноярка; 3 — Прыговское городище; 4 — Павлиновское городище; 5 — Рафайловское городище и селище; 6 — Гаевский могильник; 7 — Коловское городище; 8 — Давыдовское городище; 9 — Мишинское городище; 10 — Куртушовское городище; 11 — Батырское городище; 12 — Санкино; 13 — Шарьянка 1; 14 — Янычково городище; 15 — Городокское селище; 16 — Гришинская стоянка; 17 — Дворниковское городище; 18 — Карагаевское городище; 19 — Пелым; 20 — Большедубское; 21 — Юдинское городище и селище; 22 — Кашинское селище; 23 — Коняшинское селище; 24 — Решетниковское селище; 25 — Верхний Бор; 26–29 — Ипкуль 1, 13, 15, Малый Байрык 4; 30 — Ингалинка; 31 — Старо-Лыбаево; 32 — Памятное; 33 — Чечкино 1; 34 — Калачик; 35 — Юртобор 12; 36 — Старый Погост; 37 — Новоникольское 1 городище; 38 — Михайловское городище; 39 — Лисья Гора; 40, 41 — Поспелово 1, 2; 42 — Увал; 43 — Абатский 1, 3 могильник; 44 — Белый Яр XII; 45 — Дуванское 2 селище; 46 — Липихинское селище; 47 — Верхняя Аксенова; 48 — Ямсыса 7; 49 — Большая Пристань; 50 — Богочановское городище; 51 — Юртоборский Мост 2; 52 — Мысовской могильник.

Памятник	Ув. 2014 г.	Ув. 2015 г.	Ув. 2016 г.	Ув. 2017 г.	Ув. 2018 г.	Ув. 2019 г.	Ув. 2020 г.	Ув. 2021 г.	Ув. 2022 г.	Ув. 2023 г.
Прыговское городище										
Павлиново городище										
Рафайловский комплекс										
Коловское городище										
Гаевский 1 могильник										
Белый Яр XII поселение										
Юдинское городище и селище										
Кашинское селище										
Янычково городище										
Старый погост городище										
Абатский 3 могильник										

Рис. 2. Хронология памятников с керамикой кашинского типа

История изучения почти тысячелетнего существования кашинской культуры фиксирует не только тесные контакты в лесостепном Притоболье с саргатскими племенами, а в южно-таежном — с населением, изготовлявшим фигурно-штапованную керамику, но и, что, пожалуй, наиболее важно, — сохранение устойчивых орнаментальных, морфологических и технологических традиций по всему ареалу.

Кашинская декоративная традиция сочетает в себе гребенчатый и шнуровой способы нанесения орнамента. Шнуровой способ орнаментации характерен для посуды «прыговского» типа и является, по мнению Н. П. Матвеевой [1994], «поздним вариантом кашинской орнаменти- ки» (рис. 3–5). В качестве орнаментира применялся шнур, состоявший из 5–7 волокон или нитей, изготовленных из грубой шерсти или

растительного сырья. Длина и ширина шнурового отпечатка колеблется на каждом фрагменте керамики [Чикунова, 2000].

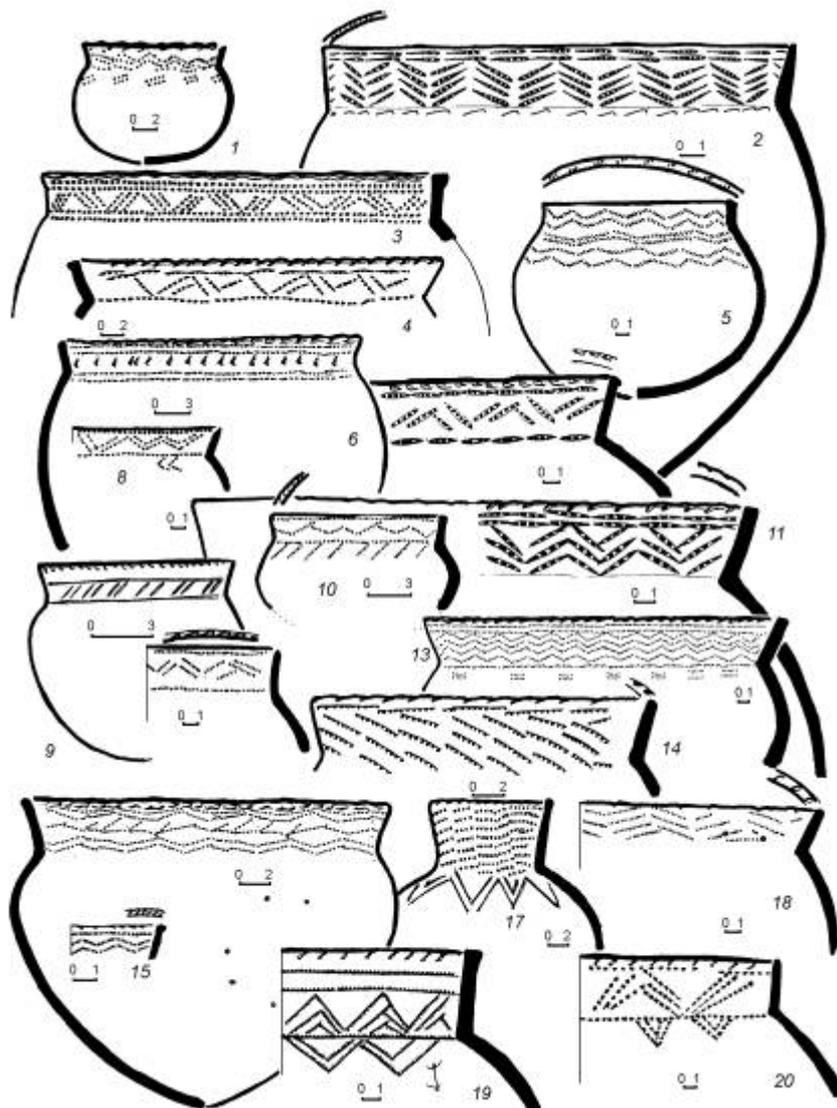

Рис. 3. Керамика кашинской культуры с гребенчатым орнаментом:

- 1, 8 — Мысовское 3 поселение; 2 — Юртоборский Мост 2; 3 — Рафайловское городище;
4, 6 — Гаевский 1 могильник; 5 — Абатский 3 могильник; 7 — Коловское городище; 9 — Рафайловский
могильник; 10, 16 — Павлиновское городище; 11, 18 — Прыговское городище; 12 — поселение
Ингалинка 1; 13 — Юдинское селище; 14 — поселение Ипкуль XV; 15, 17 — Кашинское селище;
19 — Баитовское гор.; 20 — поселение Белый Яр XII

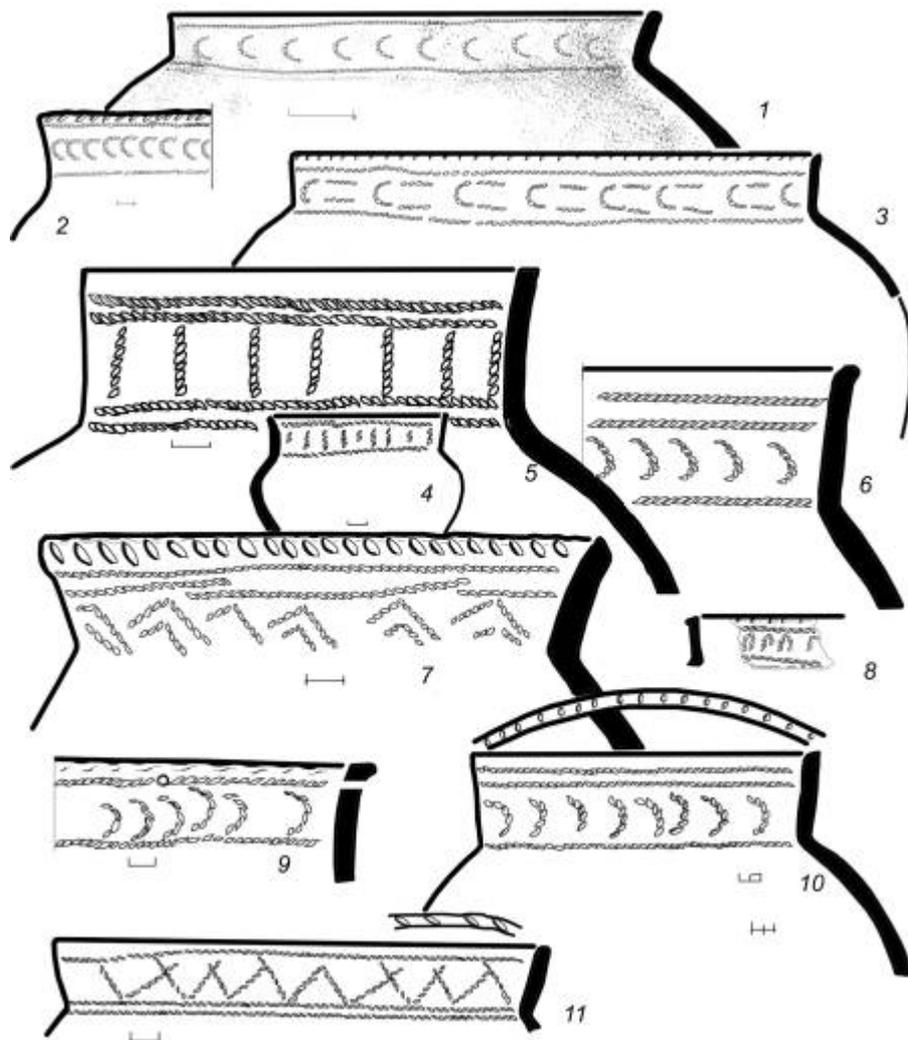

Рис. 4. Керамика кашинской культуры со шнуровым орнаментом:
 1, 3, 5, 7, 10 — Рафайловский комплекс; 2, 4, 8, 9, 11 — Прыговское городище;
 6 — Юдинское селище

Орнаментированы абсолютно все кашинские сосуды. Узор наносился на венчик, шейку, украшались также переходная от шейки к плечу зона и иногда плечико. Характерной чертой для данного типа керамики является «бордюрный» орнамент, который komponуется из 2-3-4 горизонтальных линий оттисков гребенчатого штампа или шнура, с заключенными между ними различными мотивами — многорядовым зигзагом, столбиками, наклонными оттисками гребенчатого штампа, шнуровыми «подковками» (см. рис. 3, 4) [Пантелеева, 2002, 2003; Шарапова, 1997, 1999, 2000; Чикунова, 2000]. Некоторые схожие орнаментальные мотивы выполнялись как гребенчатым штампом так и в шнуровой технике (см. рис. 3, 2-4, 6, 13; 4, 1, 2, 6, 7, 11). Встречаются также фрагменты керамики, на которых сочетаются гребенчатая и шнуровая техники нанесения орнамента (см. рис. 5). Сравнение кашинской посуды из культурных слоев разных памятников показало, что сосуды обычно изготавливались из хорошо отмученного теста, в качестве примеси использовались шамот, органика, иногда тальк. Черепки плотные, хорошо обожженные, цвет от темно-коричневого до светло-серого. Посуда в основном больших и средних размеров, изредка встречаются маленькие сосуды. Диаметр устья сосудов колеблется от 15 до 35 см, тулово шаровидное или яйцевидное. Большинство сосудов имеют уплощенный срез венчика, округлых или скошенных форм мало. Шейка прямая или отогнутая, дно округлое или приотстренное (см. рис. 3-5).

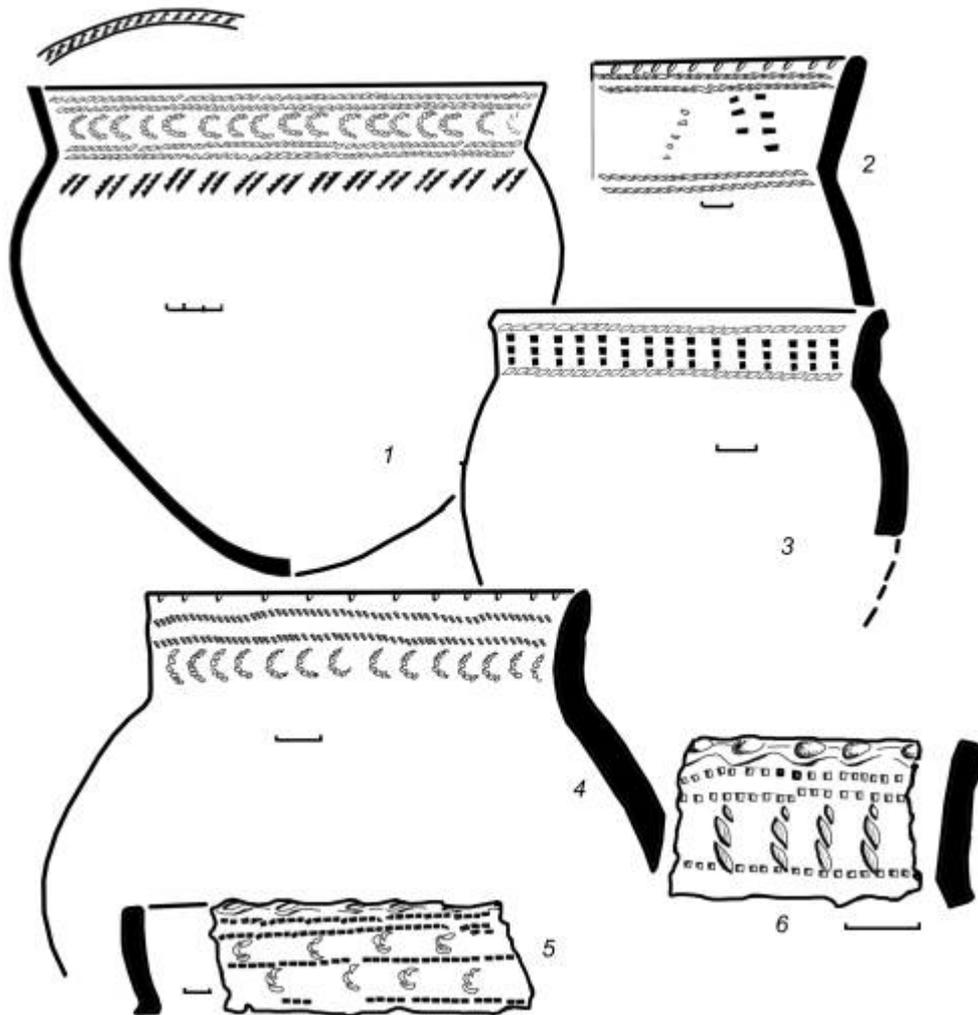

Рис. 5. Керамика кашинской культуры, орнаментированная в смешанной технике:
1 — Гевский 1 могильник; 2–4 — Рафайловский комплекс; 5, 6 — Прыговское городище

Технологический анализ керамики показал близость состава исходного сырья и рецептуры формовочных масс кашинских и прыговских сосудов [Шарапова, 1999. С. 147]. Исходя из того, что зачастую для изготовления сосудов разных культурных типов в пределах одного памятника вырабатывалось одно глинище, можно предположить определенное сходство технологических и физико-механических свойств кашинской и саргатской керамики (по результатам анализа керамики Рафайловского комплекса) [Борисов и др., 2002].

Взаимовстречаемость керамики кашинской (прыговской) и саргатской культур на многих памятниках Н. П. Матвеева [1994. С. 142] объясняет длительными контактами населения южной тайги и саргатскими общинами. Не исключается также некоторая зависимость кашинцев от саргатского населения. В пользу этого предположения свидетельствует практически полное отсутствие однослойных кашинских (прыговских) памятников. Возможно, такие памятники пока просто не найдены и не изучены. Правда, на городище Старый Погост залегает «чистый» слой с кашинской керамикой, сформировавшийся после оставления площади памятника саргатским и кулайским населением [Могильников, 2001. С. 115]. Сохранение устойчивых параметров изготовления керамики предполагает наличие у населения кашинской культуры центров, диктующих определенные традиции, возможно не только в керамическом производстве, но и других отраслях хозяйства, например домостроительстве.

Домостроительство кашинского населения в литературе отражено довольно слабо. Постройки на Прыговском, Юдинском, Рафайловском городищах и Кашинском и Юдинском селищах, на полу и в заполнении которых (кроме баитовской, саргатской, гороховской) найдены фрагменты и развалы сосудов кашинской культуры, представлены одно- и многокамерными полуземлянками каркасно-столбовой или срубной конструкции. В строении и планировке внутреннего пространства жилищ усматривается несомненное влияние саргатских домостроительных традиций, однако нельзя отрицать наличие собственных, возможно, еще не выявленных особенностей кашинского строительства. К таким особенностям, вероятно, относится устройство четырехскатной шатровой кровли и сруб над котлованом. Зафиксированные как на Прыговском городище (рис. 6, 1). В раскопе, заполнении и на полу этого жилища найдено большое количество — более 100 сосудов по венчикам — кашинской керамики (группы III и V) [Генинг, Позднякова, 1964]. Подобное жилище — однокамерное, с длинным выходом-коридором, но предположительно с двухскатной крышей — раскопано на поселении Белый Яр XII (рис. 6, 2). В его заполнении, кроме многочисленной саргатской керамики, встречена и кашинская посуда [Потемкина,

Чикунова, 2001. С. 153]. На Юдинском городище, Юдинском и Кашинском селищах раскопаны три жилища подквадратной формы с длинным выходом и очагом с канавками. По расположению и количеству опорных столбов здесь также предполагаются два способа покрытия — двускатное и шатровое (рис. 6, 3, 4) [Викторова, Кернер, 1988. С. 131]. Выделяется из этого ряда жилищ трехкамерная постройка № 1 на Рафайловском селище. Другие жилища последнего — полностью раскопанные №№ 5, 7, 14 (рис. 6, 5), на полу и в заполнении которых также обнаружена кашинская керамика, более компактны [Чикунова, 1999. С. 113].

Еще одна малоизученная проблема — погребальный обряд кашинской культуры. В литературе имеется описание очень немногих погребальных памятников, имеющих отношение к этой культуре. Раскопки Гаевского и Абатского 3 курганных могильников, грунтового захоронения на Дуванском II поселении дали возможность зафиксировать наличие у кашинского населения как курганного, так и грунтового способа захоронения усопших соплеменников [Матвеева, 1994. С. 130; Ковригин, Шарапова, 1998. С. 69].

Кашинские сосуды с гребенчатыми и шнуровыми узорами были обнаружены в трех погребениях, рвах и насыпях курганов 3–5 и 7 Гаевского 1 могильника. К сожалению, как и во многих могильниках притобольской лесостепи, практически все погребения (кроме двух) из раскопанных в 1994 г. пяти курганов Гаевского 1 некрополя были ограблены. Тем не менее, привлекая другие, известные по литературе, данные о нахождении кашинской керамики в курганных могильниках, например Старо-Лыбаевском 4 [Матвеева, 2001. С. 103, 105], можно с достаточной долей уверенности говорить о существовании курганного обряда погребения.

Грунтовые погребения Абатского 3 могильника представляют иную обрядовую традицию. Здесь во внешнем рве саргатского кургана № 2 были обнаружены два одиночных и пять коллективных захоронений (рис. 7), в которых были захоронены останки 23 человек. В погребениях, кроме бронзовых литых личин, блях, зоо- и антропоморфных изображений, обнаружены кашинские сосуды (рис. 3, 5), что позволило Н. П. Матвеевой считать эти захоронения кашинскими [1994. С. 130]. Однако, по мнению автора раскопок, это уникальный случай и трудно судить, насколько он отражает культурную традицию [Там же. С. 141].

Относительно хозяйственной деятельности населения кашинской культуры пока возможны лишь предположения ввиду практически полного отсутствия источников по данному вопросу. По аналогии с хозяйством саргатского населения, с которым на материалах многих памятников прослежены длительные мирные контакты, можно предположить комплексный характер хозяйства кашинцев.

Возвращаясь к проблеме формирования кашинской культуры, следует отметить большой разброс во мнениях о значимости воздействия различных племен на «местную основу». В. Д. Викторова считает, что «общность с кашинским типом памятников» складывается в IV–III вв. до н. э. в лесном Зауралье на основе местных традиций под воздействием пришлых речкинских (саргатских) групп [Викторова, Кернер, 1988]. Л. Н. Корякова предполагает, что кашинская орнаментальная традиция — результат симбиоза иткульских и саргатских стереотипов также в IV–III вв. до н. э. Подразумевая под местной основой носителей баитовской культуры, Н. П. Матвеева [1990. С. 188] разделяет мнение В. Д. Викторовой о сильном саргатском воздействии. В качестве другого компонента кашинских древностей она усматривает лесное приуральское население [Матвеева, 1994. С. 141]. С приводимыми Н. П. Матвеевой доводами о наличии аналогий кашинским и особенно прыговским узорам в орнаментальных мотивах ананьинской культуры соглашаются А. А. Ковригин и С. В. Шарапова [1998. С. 69]. Однако предположение о заимствовании шнуровых узоров из Приуралья, по их мнению, вступает в противоречие с хронологическими данными, поскольку это заимствование не могло произойти ранее II до н. э. [Там же. С. 70], в то время как на некоторых памятниках Приисетья слои, содержащие шнуровую керамику, датированы IV–III вв. до н. э. (например, Рафайловское городище).

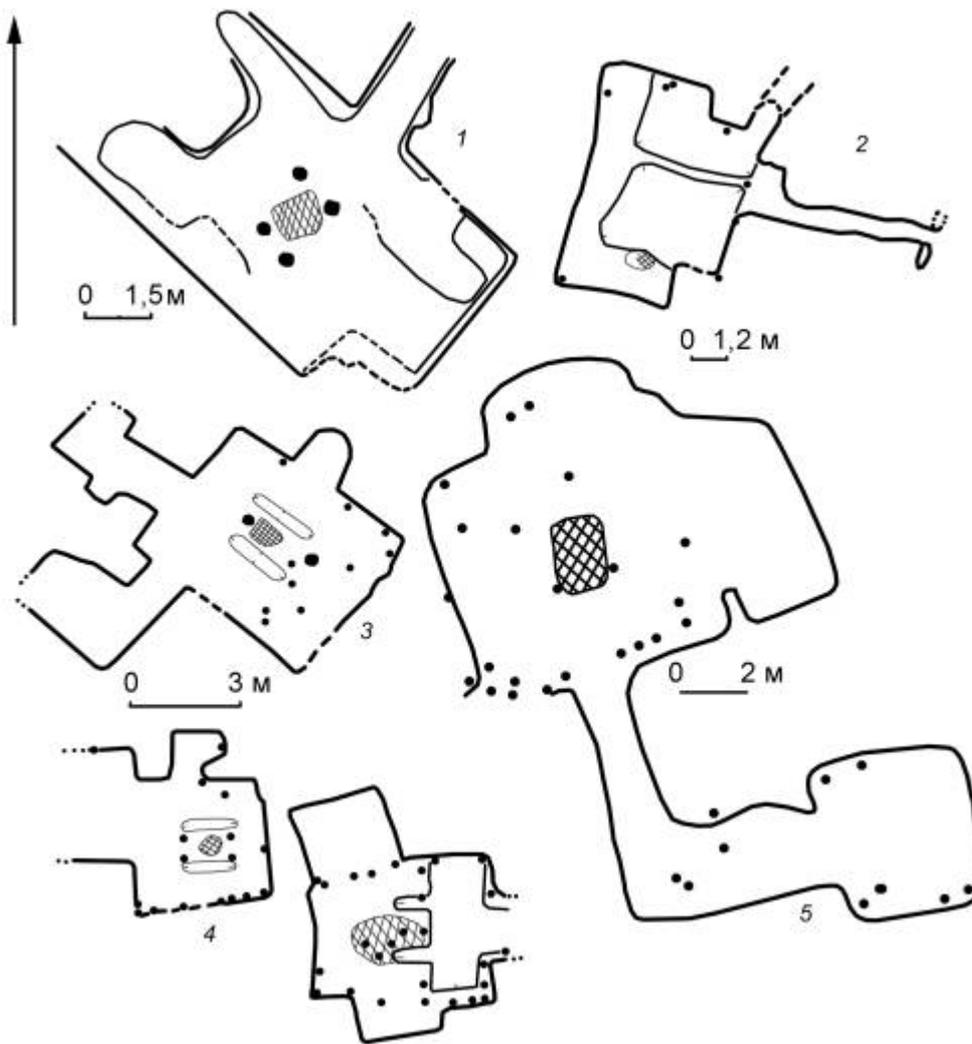

Рис. 6. Жилища кашинской культуры:

1 — Прыговское городище; 2 — Белый Яр XII; 3 — Юдинское городище;
4 — Кашинское селище; 5 — Рафайловское селище

Судя по хронологической колонке и карте (см. рис. 1, 2) памятники с керамическими комплексами, включающими гребенчатые, шнуровые и смешанные орнаментальные композиции, сосредоточенные в верховьях Тобола (пос. Белый Яр XII) и на Исети (Рафайловский комплекс, Коловское городище, городища Павлиновское и др.), несколько старше, чем памятники в предполагаемом центре формирования кашинских традиций — междуречье рек Туры и Ницы. Это позволяет выдвинуть гипотезу о более раннем появлении носителей кашинской культуры в междуречье Тобола и Исети и почти тысячелетнем их бытовании здесь: Рафайловский комплекс — IV в. до н. э. — IV в. н. э.; Павлиновское городище — IV–II вв. до н. э.; Коловское городище — III в. до н. э. — III в. н. э.; поселение Белый Яр XII — IV–III вв. до н. э. и т. д. (см. рис. 2). Впоследствии группы кашинского населения, возможно, под натиском все прибывающих саргатцев либо по другой причине двинулись в северном и восточном направлении. Следами продвижения кашинского населения в северном направлении можно считать поселение Юртоборский Мост 2 на р. Тап [Пошехонова, Зах, 2003], поселения на оз. Ипкуль и Байрык [Корякова и др., 1988]. Так, кашинский слой на Юдинском и Кашинском городищах и селищах на р. Туре датируется II–V вв. н. э.; на поселении Ипкуль XV — серединой I тыс. н. э. [Корякова и др., 1988]; городище Янычково на Тавде — V–VI вв. н. э.; кашинский материал с городища Старый Погост — II–V вв. н. э. [Могильников, 2001]; кашинские погребения в Абатском 3 могильнике — III–V вв. н. э.

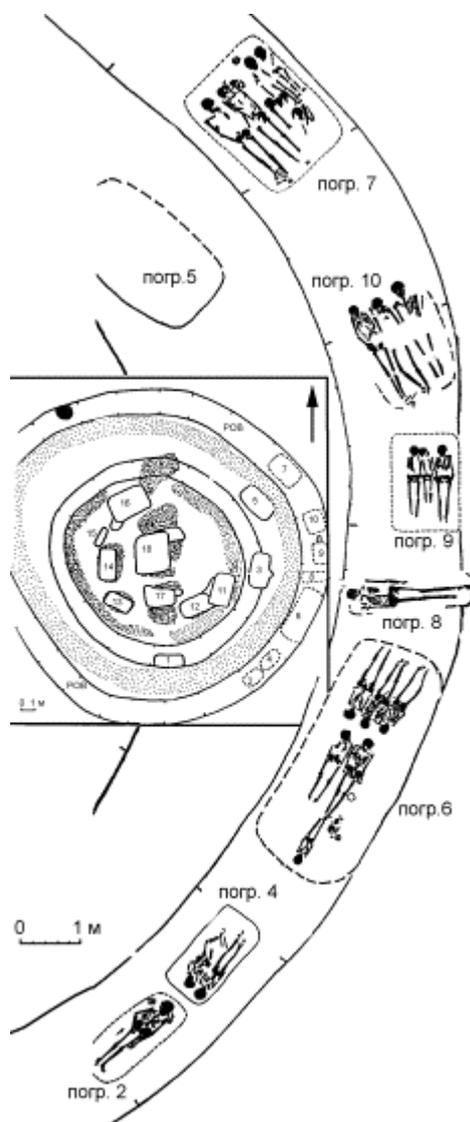

Рис. 7. Грунтовые погребения с кашинской керамикой. Абатский 3 могильник, курган 2

Как показали результаты раскопок последних лет, на Рафайловском комплексе и Коловском городище планиграфически и стратиграфически керамический материал с кашинской (гребенчатой), прыговской (шнуровой) и гребенчато-шнуровой орнаментацией залегал совместно [Матвеева и др., 2002. С. 92; 2004]. Это не позволяет нам говорить о кашинском и прыговском типах керамики как о хронологически обособленных локальных вариантах в Приисетье. Однако на памятниках на оз. Осиновом кашинские и прыговские керамические материалы залегают в разных временных пластах [Викторова, Кернер, 1988. С. 130]. По этим данным, кроме предложенной авторами разнокультурности керамики, можно предположить несколько (как минимум две) волн миграций кашинского населения, вытесняемого саргатскими племенами на север.

Таким образом, несмотря на некоторые достижения в разработке кашинской проблематики, из-за недостаточной источниковой базы многие вопросы остаются открытыми. Это касается, прежде всего, генетической основы культуры, характера хозяйственной деятельности и внешних экономических связей, погребальной обрядности. Актуальными остаются проблема взаимодействия кашинцев культуры с инокультурным окружением, изучение вероятной зависимости их от саргатского мира, развития кашинской культуры и передачи орнаментальных (шнуровых) традиций некоторым средневековым культурам и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА

Борисов В. А., Матвеева Н. П., Чикунова И. Ю. Опыт изучения соотношения технологических особенностей и функционального назначения посуды саргатского населения Рафайловского археологического комплекса // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 193–202.

Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969.

Викторова В. Д. Актуальная культура и археологическая культура // ВАУ. Екатеринбург, 1991. С. 15–23.

Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 129–141.

Генинг В. Ф., Позднякова М. К. Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 34–63.

Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. М.: Наука, 1970. С. 18–36.

- Клейн Л. Н.* Проблема определения археологической культуры // Там же. С. 36–51.
- Ковригин А. А., Шарапова С. В.* Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. С. 67–73.
- Корякова Л. Н., Дэйр М.-И.* Исследование Павлиновского археологического комплекса на р. Исеть // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 124–129.
- Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю.* Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 117–129.
- Матвеева Н. П.* К вопросу об этнической интерпретации памятников кашинского типа // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1990. С. 187–188.
- Матвеева Н. П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. *Матвеева Н. П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н. П.* Старо-Лыбаевский-4 курганный могильник // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 98–113.
- Матвеева Н. П., Орлова Л. А., Чукунова И. Ю.* Хронология саргатского комплекса Коловского городища // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. С. 88–95.
- Матвеева Н. П., Чукунова И. Ю., Орлова Л. А., Поклонцев А. С.* Новые исследования Рафайловского городища // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. Вып. 5. С. 74–95.
- Могильников В. А.* Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 114–121.
- Морозов В. М., Панина С. Н.* Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 76–90.
- Пантелеева С. Е.* Керамика Павлинова городища // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII Региональной археолого-этнографической студенческой конф. Омск, 2002. С. 347–349.
- Пантелеева С. Е.* Исследование распределения керамики в слое Павлинова городища // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 156–159.
- Потемкина Т. М., Чукунова И. Ю.* Поселение раннего железного века Белый Яр XII // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 150–153.
- Пошехонова О. Е., Зах В. А.* Исследование многослойного поселения Юртоборский Мост 2 // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 17–22.
- Чаиркина Н. М., Ерохин Н. Г., Панова Н. К., Хижняк В. А., Погорелов С. Н., Чаиркин С. Е.* Археологическое исследование торфомассива Водяное-Глухое // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. С. 54–76.
- Чукунова И. Ю.* О характере жилищ Рафайловского селища (по керамическому комплексу) // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 112–114.
- Чукунова И. Ю.* Керамический комплекс кашинской культуры с Рафайловского селища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 42–44.
- Чукунова И. Ю.* Отчет о полевых археологических исследованиях в Тюменском и Нижнетавдинском районах Тюменской области в 2004 г. // Архив ЛА ИПОС СО РАН. 2005.
- Шарапова С. В.* Керамика // Культура зауральских скотоводов. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 71–85.
- Шарапова С. В.* Керамика и основные орнаментальные стили раннего железного века зауральской лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск, 1999. С. 146–148.
- Шарапова С. В.* Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа): Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 21 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article represents basic results and problems in investigating the Early Iron Age Kashino culture in West Siberia. Subject to analysis being a pottery assemblage as well as burial rites. The paper is supplied with a photo of the Kashino sites. The author determines chronologies in the existence of the said culture and migration routes of the Kashino population into Transurals.

